

ЛЕГАЛЬНАЯ СЛЕЖКА

ЛОГАН УОРД

ДЕЛО №

18+

Логан Уорд

Легальная слежка

«Автор»

2026

Уорд Л.

Легальная слежка / Л. Уорд — «Автор», 2026

В закрытом проекте «Эгида» лингвист Ева Левина создает алгоритм для поиска угроз. Но система объявляет опасной обычную преподавательницу музыки, чья вина — домашние встречи и религиозные разговоры. Роман о цифровой слежке, антикультовых ярлыках, судебной машине и личной ответственности человека внутри системы.

© Уорд Л., 2026

© Автор, 2026

Логан Уорд

Легальная слежка

Данное произведение является художественным. Все персонажи, события, организации, компании и описанные ситуации вымышлены либо использованы в художественной интерпретации. Любые совпадения с реально существующими или существовавшими людьми, организациями, компаниями, событиями или обстоятельствами являются случайными и непреднамеренными.

Пролог

Тишина в серверной комнате правительственного дата-центра никогда не бывает абсолютной. Это ровный, низкий гул охлаждающих установок, похожий на дыхание огромного, спящего под землей зверя. Ева Левина любила этот звук. В нем была предсказуемость. В нем был идеальный, математически выверенный порядок.

Свет от монитора выхватывал из полумрака ее бледное лицо. На экране бесконечными столбцами бежали строки кода и массивы данных. Имена, геолокации, транзакции, обрывки телефонных разговоров, поисковые запросы. Для Евы, ведущего лингвиста-аналитика закрытого проекта «Эгида», это не были живые люди. Это был цифровой шум, который ее программа должна была превратить в чистый сигнал. Сигнал, предупреждающий об опасности. Официально они искали террористов. Тех, кто готовит взрывы, кто покупает компоненты для бомб, кто вербует смертников в даркнете.

Ева нажала клавишу ввода, запуская новую итерацию проверки. Программа, обученная на терабайтах юридических текстов, судебных решений и экспертных заключений, должна была выявить скрытые угрозы. На экране всплыло окно с красной рамкой. Совпадение: 98.7%.

Ева придвинулась ближе. Она ожидала увидеть схему перевода денег на подставные счета или зашифрованную переписку радикалов. Но на экране был профиль женщины. Софья Руденко, 42 года, преподаватель по классу фортепиано в детской музыкальной школе. В графе «подозрительная активность» значились: регулярные встречи с группой лиц по четвергам, покупка двадцати экземпляров одной и той же книги, использование в телефонных разговорах слов «брат», «служение» и «истина».

Ева нахмурилась. Это была ошибка. Сбой в логике программы. Она открыла консоль, чтобы вручную скорректировать веса параметров, но вдруг ее взгляд зацепился за источник, на который ссылалась нейросеть при принятии решения. Это был не современный закон о противодействии терроризму. Это был архивный документ, интегрированный в обучающую базу. Индекс: RMDI-1933.

Ева ввела запрос на расшифровку индекса. На экране медленно, словно нехотя, проступил текст на немецком языке, сопровождаемый автоматическим переводом. Циркуляр Министерства внутренних дел. Подпись: Вильгельм Фрик.

В этот момент гул серверов показался ей не дыханием зверя, а звуком тысяч марширующих сапог.

Берлин, 1933 год.

Запах старой бумаги и сургуча всегда успокаивал Якоба Вайса. В кабинете Имперского министерства внутренних дел было тепло и пахло пылью, той самой благородной пылью, которая оседает только на важных государственных документах. Якоб, молодой архивист с аккуратно зачесанными светлыми волосами, сидел за массивным дубовым столом. Перед ним лежала стопка чистых картонных карточек.

Его задача была простой, понятной и, как ему казалось, исключительно полезной для общества. Государство нуждалось в порядке. После хаоса Веймарской республики, после улич-

ных боев и экономической разрухи, новый порядок казался глотком свежего воздуха. А порядок начинается с учета.

Якоб обмакнул перо в чернильницу. Он переписывал данные из полицейских отчетов и церковных книг в новую, унифицированную картотеку. Имя. Фамилия. Год рождения. Профессия.

Вчера начальник отдела, герр Штраубе, положил на стол Якоба новую инструкцию.

— Вайс, — сказал он, похлопывая по стопке бумаг. — После декрета «О защите народа и государства» и новых распоряжений министерства нам нужно расширить классификацию. Государство должно знать, кто есть кто. Для нашей же безопасности.

Якоб посмотрел на новую форму карточки. Там появились две новые графы: «Религия/Конфессия» и «Политическая благонадежность».

— Просто переносить данные, герр Штраубе? — уточнил Якоб. — Именно, мой мальчик. Никакой самодеятельности. Только факты. Мы просто наводим порядок в документах.

Якоб взял первую анкету. «Исаак Розенберг. Часовщик. Религия: иудей. Состоит в социал-демократическом профсоюзе». Якоб аккуратным, каллиграфическим почерком перенес эти данные на картонную карточку. Он не думал о том, что будет с этим часовщиком завтра. Он не думал о том, что эта карточка станет первым шагом к тому, чтобы лишить Розенберга права чинить часы, затем — права ходить по определенным улицам, а затем — права на жизнь.

Якоб Вайс просто делал свою работу. Он наводил порядок. Он поставил аккуратный штамп в правом верхнем углу и отложил карточку в стопку «Обработано».

Ева смотрела на экран. Индекс RMDI-1933. Декрет рейхспрезидента «О защите народа и государства», подписанный Гинденбургом и контрассигнованный Гитлером, Фриком и Гюртнером. Почему современная российская программа, созданная для поиска террористов, опирается на логику нацистского министра внутренних дел?

Она открыла логи обучения. Кто-то загрузил в базу данных исторические архивы, чтобы нейросеть научилась распознавать паттерны «внутренней угрозы». Программа проанализировала, как исторически государства выявляли неблагонадежных граждан, и нашла идеальную, математически безупречную модель. Модель, в которой угрозой объявлялся не тот, кто совершает преступление, а тот, кто думает иначе, верит иначе, говорит иначе.

Ева почувствовала холодок, пробежавший по спине. Она посмотрела на профиль Софьи Руденко. Программа уже присвоила ей статус «Угроза 3 уровня». Это означало автоматическое формирование заявки на оперативный контроль: подготовку запроса на санкционированное прослушивание, расширенный анализ доступных финансовых данных и сбор сведений о родственниках.

— Что ты делаешь? — раздался голос за спиной.

Ева вздрогнула и быстро свернула окно. В дверях стоял Максим Орлов, куратор проекта от службы безопасности. Его лицо в полумраке казалось высеченным из камня.

— Проверяю ложноположительные срабатывания, — ровным голосом ответила Ева. — Программа пометила учительницу музыки как потенциального террориста. Это сбой.

Максим подошел ближе, опираясь руками на спинку ее кресла. Он посмотрел на пустой рабочий стол на экране. — Ева, — мягко сказал он. — Программа не дает сбоев. Она видит то, чего не видим мы. Если она говорит, что эта женщина — угроза, значит, так оно и есть. Наша задача — не сомневаться в коде. Наша задача — защищать общество.

Он похлопал ее по плечу и вышел из серверной. Ева осталась одна. Она снова развернула профиль Софьи. В правом верхнем углу экрана мигал красный индикатор. Цифровой штамп был поставлен. Государство начало слушать. И Ева знала, что это только начало. Порядок должен быть установлен.

Глава 1. Первые строки кода

Холодный флуоресцентный свет заливал просторное помещение аналитического отдела закрытого правительственного центра «Эгида». Ева Левина сидела перед тремя мониторами, и ее пальцы замерли над клавиатурой. Как ведущий лингвист проекта, она отвечала за семантическое ядро цифровой платформы. Ее задачей было научить нейронную сеть отличать обычную человеческую речь от скрытых угроз, выявлять в терабайтах переписок, звонков и поисковых запросов те самые слова, которые предшествуют реальному насилию.

Но сегодня программный комплекс вел себя странно.

На центральном экране разворачивалось дерево вероятностей. Красные ветви индикаторов тревоги пульсировали, указывая на профили людей, которые никогда не держали в руках оружия, не искали в сети инструкции по сборке взрывных устройств и не переводили деньги запрещенным группировкам. Ева открыла детализацию одного из таких профилей. Женщина, сорок два года, преподаватель музыки. Уровень угрозы: критический.

Ева вчиталась в маркеры, которые вычислительная модель сочла достаточными для постановки гражданки на оперативный контроль. Первым пунктом значилась покупка литературы. Женщина заказала в интернет-магазине двадцать одинаковых книг религиозного содержания. Вторым пунктом шли регулярные встречи: геолокация ее телефона каждую неделю в вечернее время четверга фиксировалась по одному и тому же адресу, в квартире на окраине города, где одновременно собирались еще пятнадцать человек. Третьим маркером был лингвистический анализ аудиоперехватов: в телефонных разговорах объект часто использовала слова «служение», «истина», «братья и сестры».

Для Евы, специалиста по анализу текста, это был очевидный контекстуальный абсурд. Слово «брат» в криминальной среде и в религиозной общине имеет совершенно разную прагматику. Покупка двадцати книг — это не закупка компонентов для теракта, это просто обеспечение литературой небольшой группы единомышленников. Ненасильственное поведение, мирные собрания, частная вера — все это цифровая платформа внезапно начала классифицировать как признаки экстремизма.

Ева открыла консоль управления, чтобы проверить весовые коэффициенты в настройках нейросети. Кто-то вручную изменил параметры оценки. То, что раньше считалось фоновым шумом повседневной жизни, теперь получило статус маркера государственной измены. Она скопировала логи в защищенную папку, распечатала несколько страниц с графиками и решительно поднялась из-за стола. Ей нужно было поговорить с кураторами проекта. Ошибка такого масштаба могла стоить свободы десяткам случайных людей.

Берлин, апрель 1933 года.

Якоб Вайс, молодой архивист с безупречно ровным пробором светлых волос, аккуратно промокнул чернила на свежей карточке пресс-папье. В его движениях была та особая, выверенная ритмичность, которая отличает человека, искренне любящего свою работу.

За окном шумел весенний Берлин. Город, который десять лет назад пережил чудовищную гиперинфляцию, когда за буханку хлеба отдавали тачки обесцененных бумажных марок, а в последние годы задыхался от уличных боев, политических убийств и экономической разрухи, теперь обретал долгожданную стабильность. Якоб помнил этот хаос Веймарской республики. Он помнил страх перед завтрашним днем. И поэтому сейчас, сидя за массивным дубовым столом, он чувствовал себя не просто клерком, а строителем нового, надежного фундамента для своей страны.

Накануне начальник отдела положил перед ним стопку новых бланков. Циркуляр министра внутренних дел Вильгельма Фрика требовал немедленной реорганизации учета населения.

— Государство должно знать своих граждан, Вайс, — сказал тогда начальник, постукивая пальцем по краю стола. — Порядок начинается с ясной картины. Мы не можем строить будущее вслепую.

Якоб взял следующий бланк. Внешне он почти не отличался от старых переписных листов, но в правой части появились две новые графы, обведенные жирной черной рамкой. Первая гласила: «Происхождение». Вторая: «Политическая благонадежность».

Перед Якобом лежала пухлая папка с личными делами сотрудников берлинских судов и университетов. Седьмого апреля был принят Закон о восстановлении профессиональной государственной службы. Официальная пресса писала, что это необходимая мера для очищения государственного аппарата от коррупции и некомпетентности. Чтобы закон заработал, нужны были данные.

Якоб открыл дело профессора права из Берлинского университета. Имя: Альберт Мейер. В графу «Происхождение» Якоб каллиграфическим почерком вписал: «неариец». В графу «Политическая благонадежность»: «состоял в социал-демократической партии, неблагонадежен».

Он отложил заполненную карточку в стопку готовых документов. Якоб искренне верил, что его бумажная работа — это просто статистика, необходимая для стабильности государства. Он не выносил приговоров, не увольнял людей, не стоял с оружием на улицах. Он лишь приводил информацию в порядок. Математическая точность, классификация, учет — в этом не было ничего преступного. Любое современное государство имеет право знать, кто работает в его учреждениях.

Следующий документ касался Закона против переполненности немецких школ и университетов, принятого двадцать пятого апреля. Якобу поручили высчитать квоты для учебных заведений его района. Не более полутора процентов «неарийцев» среди вновь принимаемых учащихся и студентов и не более пяти процентов в общем составе школ и вузов. Он взял логарифмическую линейку. Цифры складывались в стройные колонки. Пять процентов от тысячи учеников — это пятьдесят человек. Значит, всех сверх установленной доли нужно исключить или не принять. Якоб записал результат. Для него это была просто математическая задача, элегантно решенная на листе плотной бумаги. Он не думал о детях, которые завтра не смогут войти в свои классы. Он видел только идеальный порядок цифр.

Шаги Евы гулко отдавались в пустом коридоре. Центр «Эгида» располагался в здании бывшего научно-исследовательского института, переоборудованного под нужды цифровой безопасности. Стекланные перегородки, матовые двери с электронными замками, камеры под потолком — пространство было спроектировано так, чтобы исключить любые слепые зоны.

Она приложила пропуск к считывателю на двери кабинета Максима Орлова. Замок тихо щелкнул. Орлов, куратор проекта от службы безопасности, стоял у панорамного окна, глядя на серые коробки спальных районов. Услышав шаги, он обернулся. Его лицо, как всегда, ничего не выражало — ни удивления, ни раздражения.

— Ева, — кивнул он, указывая на кресло. — Чем обязан?

Ева положила распечатки на его идеально чистый стол.

— Нейросеть выдает критические ошибки, Максим. Я проанализировала утренние логи. Программный комплекс начал помечать мирных граждан как угрозу высшего уровня. Покупка религиозной литературы, регулярные встречи с друзьями, использование специфической лексики — все это теперь классифицируется как экстремизм. Кто-то изменил весовые коэффициенты в обучающей выборке.

Орлов не стал смотреть на бумаги. Он медленно подошел к столу, налил воду из графина в стакан и сделал глоток.

— Никто не менял коэффициенты тайно, Ева. Это плановое обновление протоколов безопасности.

Ева почувствовала, как внутри закипает глухое раздражение.

— Плановое обновление? Максим, мы создавали эту платформу для поиска террористов. Для выявления тех, кто готовит реальные преступления. Женщина, которая покупает двадцать

книг для своей общины, не собирается взрывать метро. Это ненасильственное поведение. Если мы начнем следить за каждым, кто собирается по четвергам читать молитвы, мы утопим аналитический отдел в информационном мусоре.

Орлов сел в кресло и сцепил пальцы в замок.

— Ты мыслишь категориями прошлого века, Ева. Ждать, пока человек совершит преступление, или начнет искать взрывчатку — это непозволительная роскошь. Когда он вводит в поисковик слово «гексоген», уже слишком поздно. Наша задача — работать на опережение.

Он подался вперед, и его голос стал тише, приобретя жесткие, металлические нотки.

— Мы внедряем превентивный мониторинг. Это новая концепция безопасности. Мы должны выявлять не само преступление, а ту среду, в которой оно может созреть. Изоляция от общества, создание закрытых групп, фанатичная преданность идее, использование специфического сленга, деление мира на «своих» и «чужих» — это маркеры. Сегодня они читают книги в закрытом кругу, а завтра их лидер скажет им, что государство — это враг. Превентивный мониторинг позволяет нам взять ситуацию под контроль до того, как прольется кровь.

— Но это нарушение базовой логики права! — возразила Ева. — Вы оправдываете слежку за теми, кто еще ничего не совершил. Вы наказываете за потенциальную возможность, за образ мыслей. Программа не видит разницы между религиозным кружком и радикальной ячейкой, потому что вы стерли эту разницу в настройках.

— Разницу определит следователь, — спокойно ответил Орлов. — Задача твоей нейросети — дать нам сигнал. А мы уже разберемся, кто перед нами: безобидная учительница музыки или фанатичка, готовая на все ради своей веры. Возвращайся к работе, Ева. И поставь оптимизировать лингвистические фильтры под новые задачи. Нам нужно больше данных.

Ева вышла из кабинета с тяжелым чувством. Слова Орлова о «превентивном мониторинге» звучали гладко, логично, почти заботливо. Государство просто хочет защитить своих граждан. Но как лингвист, она знала: когда меняется язык официальных директив, неизбежно меняется и реальность.

Вместо того чтобы вернуться в серверную, Ева спустилась на цокольный этаж, где располагался физический архив центра. Несмотря на тотальную цифровизацию, некоторые базовые документы, на которых обучалась первая версия нейросети, хранились здесь в бумажном виде. Ей нужно было понять, откуда взялась эта концепция постепенного расширения контроля. Кто заложил эту логику в основу их работы?

Она прошла между стеллажами, вдыхая запах старой бумаги, который странным образом контрастировал с высокотехнологичной начинкой здания. Найдя нужную полку с материалами по социальной психологии и историческому анализу тоталитарных обществ — именно эти тексты использовались для обучения сети распознаванию паттернов массового поведения, — Ева вытащила тяжелую папку.

Она открыла документ, озаглавленный как «Анализ социальной резистентности». Текст был сухим, академичным, но от его содержания веяло холодом.

«Психика здорового человека противится любым актам насилия по отношению к кому бы то ни было, — читала Ева. — Это защитный процесс, заложенный в человеческой природе. Поэтому личность и общество в целом протестуют против насилия и несправедливости. Однако история знает периоды, когда социальный “иммунитет” к несправедливости давал сбой».

Ева перевернула страницу. В тексте подробно разбирался так называемый «синдром варящейся лягушки». Метафора была точной: если репрессии вводятся не резко, а поэтапно, общество успевает к ним адаптироваться и перестает воспринимать каждый новый шаг как катастрофу.

«В 1933–1939 годах нацистские органы издали более четырехсот законов, указов и постановлений, прежде всего ограничивавших права евреев, планомерно исключавших определенные группы из государственной службы, экономики, культуры и общественного пространства. Взятый в отдельности, каждый декрет мог казаться “терпимым” или “необходимым”, но в совокупности они вели к полному бесправию. Историки отмечают, что если бы политика исключения началась сразу с крайних мер, это с большой долей вероятности вызвало бы открытый шок и сопротивление даже среди лояльных граждан. Постепенная эскалация позволила обойти естественные моральные барьеры общества».

Ева закрыла папку. Пазл в ее голове сложился, хотя картина оказалась пугающей. Программный комплекс «Эгида» не просто искал террористов. Он был запрограммирован на постепенное, поэтапное расширение границ нормы. Сегодня сеть помечает покупку книг. Завтра она пометит тех, кто эти книги обсуждает. Послезавтра — тех, кто просто стоит рядом.

Превентивный мониторинг Орлова не был защитой от терроризма. Это был инструмент постепенного приучения общества к тому, что государство имеет право знать всё. Шаг за шагом. Графа за графой. Строка кода за строкой кода.

В Берлине вечерело. Якоб Вайс аккуратно сложил письменные принадлежности, протер перо и закрыл чернильницу. Рабочий день был окончен. На краю его стола возвышалась ровная, идеально выверенная стопка заполненных карточек. Сотни имен, сотни судеб, аккуратно рассортированных по новым графам «происхождение» и «политическая благонадежность».

Якоб надел пиджак, поправил галстук и посмотрел на плоды своего труда. Он чувствовал глубокое удовлетворение. Хаос отступал. На смену неразберихе приходил строгий, документально подтвержденный порядок. Завтра эти карточки отправятся в другие ведомства. На их основе будут приниматься решения, издаваться новые приказы, формироваться списки.

Он выключил настольную лампу. В полумраке кабинета белые прямоугольники картона казались светящимися кирпичиками, из которых строилось новое, безопасное будущее. Якоб Вайс вышел в коридор, уверенный в том, что делает важное и абсолютно правильное дело. Он просто вел учет.

Ева стояла в полумраке архива, держа руку на холодной картонной обложке папки. Цифровая платформа, которую она помогала создавать, обучалась на этих исторических паттернах. Машина усвоила главный урок прошлого: чтобы подчинить общество, не нужно сразу применять силу. Нужно просто начать собирать данные, убедив всех, что это делается ради их же безопасности.

Она достала телефон и открыла удаленный доступ к рабочему терминалу. На экране светился профиль Софьи Руденко, преподавателя музыки. Красный индикатор угрозы продолжал пульсировать. Ева смотрела на этот цифровой ярлык, понимая, что прямо сейчас, в эту самую секунду, невидимые шестеренки государственной машины пришли в движение. И остановить их изнутри, просто поправив пару строк кода, уже не получится.

Глава 2. Хорошая соседка

Обычный городской ветер гнал по асфальту сухие листья и мелкий мусор. Ева плотнее запахнула пальто, глядя на безликую панельную многоэтажку на окраине спального района. В ее наушнике тихо играл джаз, заглушая шум проезжающих машин, но перед глазами все еще стояли красные строки кода из аналитического центра. Цифровой профиль Софьи Руденко, преподавателя музыки, пульсировал в памяти предупреждающими маркерами. Угроза третьего уровня. Экстремизм. Радикализация.

Ева приехала сюда не по служебной необходимости. Куратор проекта ясно дал понять: задача лингвиста — настраивать фильтры и обучать нейросеть, а не бегать по улицам за объектами оперативного контроля. Но Ева не могла просто сидеть перед мониторами. Ей нужно было увидеть эту женщину своими глазами. Доказать себе, что вычислительная модель ошиблась, что произошел сбой в логике оценки данных, который можно исправить.

Она стояла у чугунной ограды детской музыкальной школы номер семнадцать. Здание из красного кирпича выглядело уставшим, но ухоженным. Из приоткрытых окон второго этажа доносились нестройные звуки гамм и обрывки фортепианных пьес. Ева сверила время на часах. По расписанию, которое программа заботливо вытянула из базы данных образовательного учреждения, уроки Руденко заканчивались в пятнадцать тридцать.

Дверь школы скрипнула, и на крыльцо высыпала стайка детей с рюкзаками и папками для нот. Следом за ними вышла женщина. Ева сразу узнала ее по фотографии из базы, хотя в жизни Софья выглядела иначе. На цифровом снимке, сделанном камерой уличного наблюдения, ее лицо казалось плоским, напряженным, с резкими тенями. Сейчас же перед Евой стояла обычная, немного уставшая женщина лет сорока, в простом сером пальто и с объемной сумкой, из которой торчали края нотных тетрадей. Она улыбалась, поправляя шарф одному из учеников, и что-то тихо говорила его подошедшей матери.

Ева сделала глубокий вдох, натянула на лицо приветливую улыбку и шагнула навстречу. Легенда была готова заранее.

— Простите, пожалуйста, — Ева подошла ближе, держа в руках планшет. — Вы не уделите мне пару минут? Я из независимого центра социологических исследований. Мы проводим опрос жителей района о качестве городской среды и уровне безопасности.

Софья остановилась. В ее глазах не было ни подозрительности, ни страха — только легкое удивление и готовность помочь.

— Ой, вы знаете, я обычно не участвую в таких вещах, — мягко произнесла она. Голос у нее был глубокий, с приятными бархатными интонациями, свойственными людям, привыкшим много говорить с детьми. — Но если это быстро... Вы совсем замерзли, у вас руки красные.

Ева действительно замерзла, но эта внезапная бытовая забота со стороны «угрозы третьего уровня» сбила ее с толку.

— Все в порядке, спасибо, — Ева включила диктофон на планшете, хотя программа в ее телефоне и так уже писала каждое слово, автоматически отправляя аудиопоток на серверы для семантического анализа. — Скажите, как давно вы живете в этом районе?

— Почти десять лет, — Софья перехватила тяжелую сумку поудобнее. — С тех пор как переехала. Здесь тихо, школа рядом.

— Вы чувствуете себя в безопасности, возвращаясь домой по вечерам? — Ева задавала стандартные вопросы, внимательно наблюдая за мимикой собеседницы.

— Вполне. У нас хорошие соседи. Знаете, люди часто жалуются на отчужденность в больших городах, но мне кажется, все зависит от нас самих. Если ты открыт к людям, если стараешься нести мир, то и вокруг становится светлее.

Ева мысленно вздрогнула. Слово «мир». В контексте обучающей выборки, загруженной в правительственную нейросеть, частые рассуждения о «мире», «свете» и «духовности» в сочетании с регулярными собраниями классифицировались как признак сектантского мышления, отрыва от реальности и потенциальной нелояльности государству.

— Вы часто общаетесь с соседями? Собираетесь вместе? — Ева закинула удочку, подбираясь к главному маркеру — встречам по четвергам.

— Да, конечно, — лицо Софьи просветлело. — У нас есть небольшая группа друзей. Мы собираемся, читаем вместе, поем. Знаете, в наше время так важно иметь место, где можно просто поговорить о душе, о Боге, поддержать друг друга. Без политики, без агрессии. Просто быть вместе.

Она говорила это так просто и искренне, что Еве стало физически не по себе. Перед ней стояла добрая, открытая женщина. Не фанатичка. Не террористка. Обычная учительница музыки, которая нашла утешение в небольшой религиозной общине.

— Спасибо вам большое за ответы, — Ева опустила планшет. — Вы очень помогли.

— Берегите себя, — Софья тепло улыбнулась. — И выпейте горячего чая, правда. Простудитесь.

Она повернулась и неспешно пошла вдоль улицы, шурша осенними листьями. Ева смотрела ей вслед. В кармане вибрировал телефон. Нейросеть закончила экспресс-анализ записанного разговора. На экране светилось уведомление: «Подтверждение паттерна. Объект использует лексику вовлечения. Рекомендовано усиление контроля».

Ева закрыла глаза. Сухие данные в профиле не имели ничего общего с живым человеком. Но для государственной машины этот человек уже перестал существовать. Остался только набор триггеров и маркеров.

Берлин, май 1933 года.

Весеннее солнце заливало широкие проспекты Шарлоттенбурга, отражаясь в витринах магазинов и окнах дорогих квартир. Якоб Вайс шел неспешным шагом, наслаждаясь теплом и запахом цветущих лип. В его правой руке был зажат потертый кожаный портфель, внутри которого лежала стопка картонных карточек.

Сегодняшнее задание отличалось от привычной кабинетной рутины. Обычно Якоб работал с готовыми полицейскими отчетами и выписками из домовых книг, аккуратно перенося данные в новые графы «происхождение» и «политическая благонадежность». Но иногда в документах обнаруживались пробелы. Государственный учет не терпел пустоты. Если информация была неполной, ее следовало уточнить на месте.

В портфеле лежала карточка на имя Элиаса Штерна, врача-педиатра. В графе «вероисповедание» стоял прочерк, а девичья фамилия его жены, Марты, была написана неразборчиво. Для нового порядка, который стремительно выстраивался в стране, эти детали имели критическое значение. От них зависело, сможет ли доктор Штерн продолжать частную практику, лечить арийских детей и состоять в профессиональных союзах.

Якоб остановился перед красивым четырехэтажным домом с лепниной на фасаде. Сверился с адресом. Все верно. Он толкнул тяжелую дубовую дверь и поднялся на второй этаж. Начищенная медная табличка гласила: «Доктор медицины Э. Штерн. Приемные часы: 9:00 – 14:00».

Якоб нажал на кнопку звонка. Где-то в глубине квартиры раздалась мелодичная трель.

Дверь открыла женщина лет пятидесяти, с аккуратно уложенными седыми волосами и добрыми, но слегка уставшими глазами. На ней было строгое темное платье с белым кружевным воротничком.

— Добрый день, — Якоб вежливо приподнял шляпу. — Фрау Штерн? Меня зовут Якоб Вайс, я из Имперского министерства внутренних дел. Отдел статистики и учета населения. Мне нужно задать вашему супругу несколько уточняющих вопросов для уточнения учетных данных перед предстоящей переписью.

Женщина на мгновение замерла. В ее глазах мелькнула тень — не страх, а скорее инстинктивная настороженность, которая в последние месяцы стала привычной для многих жителей Берлина. Но она быстро взяла себя в руки.

— Да, конечно. Проходите, пожалуйста. Элиас сейчас в кабинете, у него нет пациентов.

Якоб переступил порог и оказался в просторной, залитой светом прихожей. В квартире пахло мастикой для паркета, старыми книгами и свежесваренным кофе. Это был запах благополучного, устроенного быта, запах интеллигентного дома, который Якоб, выросший в тесной квартирке на окраине, всегда подсознательно уважал.

Фрау Штерн провела его в гостиную. Вдоль стен тянулись высокие книжные шкафы, на круглом столе лежала кружевная скатерть, а в углу тихо тикали напольные часы.

— Присаживайтесь, герр Вайс, — сказал вышедший навстречу высокий, сутулый мужчина в очках с толстыми стеклами. Доктор Штерн. — Чем могу быть полезен?

Якоб сел на краешек мягкого кресла, открыл портфель и достал карточку.

— Это простая формальность, герр доктор. В ваших документах отсутствуют некоторые данные, необходимые для новой классификации.

— Новой классификации, — эхом отозвался Штерн, садясь напротив. Он снял очки и принялся протирать их платком. — Понимаю. Спрашивайте.

— Ваше вероисповедание? В домовоей книге указано, что вы не посещаете синагогу.

— Я светский человек, герр Вайс. Ученый, врач. Мои родители были иудеями, но сам я давно отошел от религии.

Якоб кивнул и аккуратно вывел в графе «происхождение»: «неариец, еврей».

В этот момент в гостиную вошла Марта Штерн. В руках она несла небольшой серебряный поднос, на котором стояли две фарфоровые чашки с дымящимся кофе и тарелочка с домашним печеньем.

— Вы, должно быть, устали ходить по домам, герр Вайс, — мягко сказала она, ставя поднос на стол. — Угощайтесь. Кофе только что сварен.

Якоб почувствовал острый укол дискомфорта. Он пришел сюда как представитель государства, как винтик огромной бюрократической машины, чтобы повесить на этих людей ярлык, который неизбежно усложнит им жизнь. А они предлагают ему кофе. Они ведут себя с ним как с гостем.

— Спасибо, фрау Штерн, но я при исполнении... — начал было он, но запах кофе был слишком соблазнительным, а улыбка женщины — слишком искренней.

— Глоток кофе не повредит государственной службе, — мягко настоял доктор Штерн.

Якоб взял чашку. Тонкий фарфор приятно грел пальцы. Он сделал глоток, чувствуя, как внутри нарастает странное противоречие. Перед ним сидели образованные, вежливые, добрые люди. Врач, который, возможно, спас сотни детских жизней. Его заботливая жена. Их дом дышал культурой и покоем. Но на картонной карточке, лежащей на столе, они превращались в сухие строчки, в статистическую погрешность, в элемент, чуждый новому порядку.

— Девичья фамилия вашей супруги? — спросил Якоб, стараясь, чтобы голос звучал максимально официально и отстраненно.

— Розенталь, — ответил доктор.

Якоб вписал фамилию. Все было ясно. Оба супруга подпадали под действие новых ограничительных декретов.

— Благодарю вас, — Якоб поспешно допил кофе, чувствуя, что больше не может оставаться в этой уютной гостиной. Ему хотелось вернуться в свой кабинет, к безликим бумагам, где не было ни запаха выпечки, ни добрых глаз, ни фарфоровых чашек. Там, среди папок и штампов, все было логично и правильно. Здесь же, столкнувшись с живыми людьми, стоящими за его карточками, он ощутил мимолетную, но пугающую тяжесть.

Он попрощался, сухо поклонился и вышел на улицу. Весеннее солнце все так же светило, но Якобу вдруг стало зябко. Он спрятал карточку глубоко в портфель, стараясь не думать о том, что будет с доктором Штерном, когда этот кусок картона ляжет на стол чиновника из министерства здравоохранения. Он просто делал свою работу. Уточнял данные.

Вечер опустился на город тяжелым серым покрывалом. Ева сидела в арендованном каршеринговом автомобиле, припаркованном в соседнем дворе от дома Софьи Руденко. Двигатель был заглушен, чтобы не привлекать внимания, и в салоне становилось холодно. На коленях Евы лежал открытый ноутбук, подключенный к защищенному каналу связи.

Сегодня был четверг. День, который вычислительная сеть пометила как время регулярных собраний «экстремистской ячейки».

Ева смотрела на экран, где отображалась карта района. Красные точки — сигналы мобильных телефонов — медленно стягивались к одному адресу. Квартира на первом этаже. Она подняла взгляд. Окна нужной квартиры светились теплым желтым светом. Шторы были

задернуты не до конца, и Ева, сидя в темной машине, могла видеть фрагменты происходящего внутри.

К подъезду подошел пожилой мужчина с тросточкой. Он тяжело поднялся по ступенькам и набрал код домофона. Через несколько минут появилась молодая пара — парень и девушка, держащиеся за руки. Девушка несла в пакете что-то похожее на домашний пирог. Затем подошли еще несколько человек. Обычные люди. Разного возраста, в разной одежде. Никто из них не оглядывался по сторонам, не прятал лиц, не вел себя как заговорщик.

Ева приоткрыла окно машины. Улица была тихой, и звуки из приоткрытой форточки на первом этаже долетали до нее вполне отчетливо.

Она ожидала услышать что угодно. Политические споры, призывы к сопротивлению, обсуждение планов, радикальные проповеди. То, что оправдало бы красные маркеры на ее мониторе. То, что доказало бы правоту концепции превентивного мониторинга.

Но из окна донеслись звуки гитары. А затем — голоса. Они пели. Это была простая, мелодичная песня. Ева не могла разобрать всех слов, но отчетливо слышала повторяющийся припев о надежде, прощении и любви к ближнему. Голоса сливались воедино — чистые, спокойные, лишённые какой-либо агрессии.

После песни наступила тишина, а затем зазвучал голос Софьи. Она читала вслух. Ева включила компактный направленный микрофон, подключенный к рабочему планшету, и вывела звук на наушники.

«...ибо дал нам Бог духа не боязни, но силы и любви и целомудрия», — мягко, с расстановкой читала Софья. — «Поэтому не стыдись свидетельства... но страдай с благовестием Христовым силою Бога...»

Ева смотрела на экран ноутбука. Программа в реальном времени транскрибировала перехваченный аудиопоток. Слова «сила», «страдай», «свидетельство» мгновенно подсвечивались желтым. Нейросеть вырывала их из контекста древнего текста, прогоняла через словари современных радикальных группировок и выстраивала новые связи.

На глазах Евы статус собрания изменился. Индикатор в углу экрана мигнул и сменил цвет с оранжевого на насыщенный красный.

«Фиксация групповой активности. Признаки идеологической обработки. Формирование закрытой структуры», — выдала машина сухой вердикт.

Ева сняла наушники. В ушах снова зазвучала живая музыка — кто-то в квартире сел за фортепиано. Это была обычная жизнь. Люди, которые просто хотели быть вместе, читать свои книги и петь свои песни. Они не представляли угрозы ни для государства, ни для общества. Они были виноваты лишь в том, что их поведение не вписывалось в стандартные шаблоны, что они создали свое собственное, неподконтрольное пространство.

А государственная структура, обученная искать врагов, не терпела неподконтрольных пространств. Ева смотрела на светящееся окно. Там, за тонким стеклом, люди пили чай с пирогом и говорили о вечном. А здесь, в холодной темноте салона, на экране ее ноутбука, их судьбы уже были переведены в цифровой код, классифицированы и приговорены.

Она закрыла ноутбук, отрезая себя от красного свечения индикаторов. Тишина в машине стала оглушительной. Ева завела двигатель, но не спешила трогаться с места. Она смотрела на окна квартиры на первом этаже, и в ее голове билась только одна мысль: если программа способна превратить этих мирных людей в опасных преступников, то кто на самом деле является угрозой?

Глава 3. Слова о безопасности

Ева Левина сидела в заднем ряду в зале заседаний, стараясь слиться с темно-синей обивкой кресла. Как технический консультант аналитического центра, она была направлена на эти открытые парламентские слушания с одной целью: понять семантическую и юридическую базу

нового пакета законов, который вскоре должен был стать основой для обновления ее вычислительной сети.

На трибуне, освещенные ярким светом софитов телевизионных камер, выступали инициаторы законопроекта — депутат Ирина Яровая и сенатор Виктор Озеров. Их речь была выверена до последней запятой. Каждое слово падало в зал тяжелым, неоспоримым аргументом.

С трибуны звучали слова о том, что терроризм необходимо «разоружить», лишить его источников информации, каналов связи и финансирования. Закон, по словам его авторов, не должен был ущемлять права граждан — напротив, он подавался как дополнительная защита их жизни и безопасности.

Виктор Озеров, взявший слово следом, поддержал коллегу, делая акцент на необходимости превентивных мер и технологического контроля над коммуникациями, которые преступники используют для координации своих действий.

Ева открыла на планшете предварительный текст документа, который пресса уже окрестила «пакетом Яровой». Как лингвист, она привыкла препарировать тексты, отделяя эмоциональную оболочку от сухой прагматики. Риторика спикеров была безупречной: защита, безопасность, противодействие террору. Ни один нормальный человек не выступит против защиты человеческих жизней. Но юридические формулировки, скрытые за этими громкими словами, заставили Еву нахмуриться.

Законопроект вводил требование массового хранения коммуникационных данных пользователей. Операторы связи и интернет-провайдеры обязывались хранить содержание сообщений, звонков, изображений, звуков и видеозаписей пользователей в течение установленного законом срока, а сведения о фактах соединений и передачи сообщений — значительно дольше. Более того, компании должны были предоставлять государственным органам информацию, необходимую для декодирования электронных сообщений, если такая возможность была технически доступна.

Ева смотрела на эти строки, и в ее голове мгновенно выстраивалась архитектура будущих процессов. Для ее аналитической платформы этот закон был не просто расширением полномочий. Это был почти беспрецедентный по масштабу доступ к цифровой жизни каждого человека. Юридические формулировки нового закона идеально ложились в логику ее сети. Если раньше для постановки объекта на контроль требовалась санкция, основанная на конкретных подозрениях, то теперь государство получало возможность собирать огромные массивы данных обо всех по умолчанию. Презумпция невиновности в цифровом пространстве тихо прекращала свое существование.

Особое внимание Евы привлекла новая статья Уголовного кодекса — 205.6. Несообщение о преступлении. То, что в обществе тут же назвали возвращением логики недоносительства.

Она вчиталась в текст. Гражданин подлежал уголовной ответственности, если ему было «достоверно известно» о подготовке или совершении ряда преступлений, и он не сообщил об этом властям. Ева мысленно прогнала эту фразу через семантические фильтры. Что значит «достоверно известно»? Как вычислительная сеть должна оценивать степень достоверности чужого знания? Эта формулировка была настолько размытой, что позволяла интерпретировать любой недосказанный разговор, любую прочитанную и не прокомментированную переписку как соучастие путем молчания.

В зале поднялся представитель крупной телекоммуникационной компании. Его голос дрожал от сдерживаемого возмущения.

— Уважаемые авторы законопроекта, — начал он, поправляя очки. — Вы требуете от нас хранить колоссальные объемы информации. Весь трафик страны. На сегодняшний день у операторов нет готовой инфраструктуры, способной обеспечить такие объемы хранения. Это колоссальные затраты, которые лягут на плечи абонентов. Но главное даже не в этом.

Сегодня огромная доля интернет-трафика зашифрована самими сервисами. Мы будем хранить петабайты цифрового шума, который невозможно расшифровать. Какая в этом практическая польза для борьбы с терроризмом?

Его вопрос повис в воздухе. Ответ с трибуны был предсказуемо уклончивым, сводящимся к тому, что безопасность бесценна, а технические детали будут урегулированы подзаконными актами. Ева опустила глаза на экран планшета. Она знала, что представитель индустрии прав. Но она также понимала то, чего не произносили вслух: даже если содержание зашифровано, метаданные — кто, кому, когда и откуда писал — остаются видимыми. И для нейросети, выявляющей социальные связи и строящей графы контактов, этих метаданных более чем достаточно, чтобы нарисовать подробную карту общества.

Берлин, февраль 1933 года.

В кабинете Якоба Вайса на его столе лежал документ, который только что доставил курьер из канцелярии Имперского министерства внутренних дел. Документ был отпечатан на плотной бумаге и украшен государственным гербом.

Якоб аккуратно разгладил лист. Это был Указ рейхспрезидента «О защите народа и государства», подготовленный при непосредственном участии министра внутренних дел Вильгельма Фрика. Официальная пресса уже несколько дней трубила о необходимости жестких мер. Недавний пожар в Рейхстаге был объявлен сигналом к коммунистическому мятежу. Государство находилось в опасности, и ему требовались инструменты для самообороны.

Якоб начал читать текст указа. Его профессиональный взгляд архивиста сразу выхватывал суть из-под слоя политической риторики.

«На основании статьи 48 абзаца 2 Конституции Германской империи в целях отражения коммунистических, угрожающих государству насильственных действий постановляется следующее...»

Далее шел параграф первый. Якоб перечитал его дважды, чтобы убедиться, что правильно понял смысл. Указ приостанавливал действие семи ключевых статей Веймарской конституции. Статьи 114, 115, 117, 118, 123, 124 и 153 объявлялись недействительными до дальнейшего уведомления.

Якоб прекрасно знал эти статьи. Это был фундамент гражданских свобод. Статья 114 гарантировала личную неприкосновенность. Статья 115 — неприкосновенность жилища. Но больше всего Якоба, как сотрудника ведомства, работающего с информацией, поразила отмена статьи 117. Тайна переписки, почтовых, телеграфных и телефонных сообщений перестала существовать.

Он посмотрел в окно, по улице маршировал отряд штурмовиков, их песня глухо доносилась сквозь двойные рамы. Якоб не испытывал страха или возмущения. Напротив, он чувствовал странное облегчение. До сих пор сбор информации о гражданах часто наталкивался на бюрократические и правовые преграды. Полиция запрашивала данные, а архивы и почтовые службы вынуждены были отказывать, ссылаясь на конституционные гарантии. Это создавало путаницу, замедляло работу, мешало наводить порядок.

Теперь же Вильгельм Фрик дал им ясный, недвусмысленный правовой инструмент. Все делалось исключительно ради безопасности. Ради защиты народа от террора.

На край стола легла папка с утренней почтой. Якоб открыл ее. Сверху лежал запрос из криминальной полиции на предоставление выписок из телеграфных сообщений некоего Генриха Мюллера, профсоюзного деятеля из района Веддинг. Еще неделю назад Якоб был бы обязан вернуть этот запрос с резолюцией об отказе, так как полиция не предоставила судебного ордера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.